

Ежегодник Японии 2023. Т. 52. С. 113–132
Yearbook Japan 2023. Vol. 52, pp. 113–132
DOI: 10.55105/2687-1440-2023-52-113-132

Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (часть вторая)

В. Э. Молодяков

Аннотация

Настоящая работа, состоящая из двух частей, посвящена малоизученным аспектам Индокитайского кризиса 1940 г. в японо-французских отношениях – притязаний Японии на контроль и военное присутствие во Французском Индокитае летом и осенью 1940 г. В течение предшествующих лет обеспечение безопасности и стабильности Индокитая лежало в основе французской политики в отношении Японии, которая вынужденно характеризовалась готовностью к компромиссам. Военное поражение Франции в июне 1940 г. изменило ее международный статус, ослабило, но не лишило колоний и военного флота. Новый авторитарный режим Французского государства (режим Виши) решил пойти на уступки Японии в Индокитае, учитывая неравенство сил в регионе и отсутствие любой помощи извне.

Вторая часть работы начинается с принципиального решения французского правительства пойти на уступки требованиям Японии, экспансионистская политика которой приобрела новый размах после формирования второго кабинета Коноэ Фумимаро, и заканчивается вводом японских войск в Индокитай в течение сентября 1940 г.

Автор рассматривает процесс выработки политики режима Виши на данном направлении и действия ее руководителей и основных исполнителей: главы государства маршала Филиппа Петэна, министра иностранных дел Поля Бодуэна, министров колоний Анри Лемери и Шарля Платона, генерал-губернатора Индокитаия Жана Дэку. Акцент сделан на “политиках”, а не на “политике”. В основу работы положены дневники, воспоминания и другие

свидетельства действующих лиц, недостаточно изученные в российском японоведении, в сочетании с новейшими работами историков.

Ключевые слова: Япония, Франция, режим Виши, Индокитай, дипломатия, колония, экспансия, безопасность.

Сведения об авторе: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН: Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор Международного института японской культуры университета Такусёку: Япония, 112-0012, Токио, Бункё-ку, Оцука 1-7-1, G-210.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Continental Policy of Japan as Seen From France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part Two)

V. E. Molodiakov

Abstract

The present work, consisting of two parts, deals with the little-studied aspects of the Indochina crisis of 1940 in Japanese–French relations – Japan’s claims to control and military presence in French Indochina in the summer and autumn of 1940. During the previous years, ensuring the security and stability of Indochina was at the heart of French policy towards Japan, which was necessarily characterized by a willingness to compromise.

The military defeat of France in June 1940 changed its international status: weakened, but not deprived of the colonies and the Navy. The new authoritarian regime of the French state (the Vichy regime) decided to make concessions to Japan in Indochina, given the inequality of forces in the region and the lack of any outside help.

The second part of the work begins with the principled decision of the French government to make concessions to the demands of Japan, whose expansionist policy acquired a new scope after the formation of the second cabinet of Konoe Fumimaro, and ends with the entry of Japanese troops into Indochina during September 1940.

The author examines the process of the policy of the Vichy regime developing in this direction and the actions of its leaders and main executives: Head of State Marshal Philippe Petain, Foreign Minister Paul Baudouin, Ministers of the Colonies Henry Lémery and Charles Platon, Governor-General of Indochina Jean Decoux. The emphasis is on “politicians,” not on “politics.” The work is based on diaries, memoirs, and other testimonies of the actors, insufficiently studied in Russian Japanology, combined with the latest works of historians.

Keywords: Japan, France, Vichy regime, Indochina, diplomacy, colony, expansion, security.

About the author: *Molodiakov Vassili Erinarkhovich.*, Doctor of Sciences (Political Science), Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of RAS: 12, Rozhdestvenka street, Moscow, Russia, 103031; Professor, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies: Otsuka 1-7-1 G-210, Bunkyo-ku, Tokyo, 112-0012, Japan.

ORCID 0000-0001-5892-0473

E-mail: dottore68@mail.ru

Conflict of interest

The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

В предыдущей статье [Молодяков 2022a] мы рассмотрели первую фазу Индокитайского кризиса 1940 г. – попытки Японии включить Французский Индокитай (Индокитайский союз)¹ в сферу своего влияния и поставить его под контроль – в общем контексте франко-японских отношений в период Второй мировой войны, особенно после военного поражения Франции в июне 1940 г. и формирования авторитарного режима Французского государства («режим Виши») на смену парламентской Третьей республике. Воспользовавшись поражением, Токио потребовал от французского правительства существенных

---

¹ Включал колонию Кохинхина, протектораты Аннам, Тонкин, Камбоджа, Лаос и арендованную у Китая территорию Гуанчжоувань. Во главе объединенной администрации стоял генерал-губернатор, резиденция которого находилась в Ханое.

уступок, связанных с использованием территории Индокитая для продолжения военных действий против режима Чан Кайши («урегулирование Китайского инцидента»). Учитывая агрессивный настрой Японии, особенно после формирования второго кабинета князя Коноэ Фумимаро (22 июля 1940) и заведомое неравенство военных сил в регионе, французское правительство склонилось к политике уступок, проводником которой выступал министр иностранных дел Поль Бодуэн и которой до последнего противился министр колоний Анри Лемери.

Японский диктат и французский ответ

В ходе заседания правительства и последовавшего за ним совещания членов кабинета с военным руководством 12 августа 1940 г. Бодуэну удалось убедить коллег в правильности предложенного им компромиссного варианта ответа на японские притязания. Формально отвергая «требования», Франция разрешала проход японских войск через Тонкин, соглашалась снабжать их и предложила начать переговоры о выработке соответствующей конвенции. Даже Лемери, ярый сторонник противостояния Японии и вооруженного сопротивления возможному вторжению в Индокитай, подчинился мнению большинства коллег, включая главу государства маршала Филиппа Петэна и министра национальной обороны генерала Максима Вейгана, когда Бодуэн 16 августа на заседании кабинета прямо попросил коллег «выбрать мир с Японией». В доказательство необходимости немедленного выбора он сослался на свежие телеграммы посла Шарля Арсен-Анри из Токио о решительном настрое Японии, которое выразил на переговорах с ним министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ [Vaudoin 1948, p. 203–204].

Удовлетворение требований Японии о ее военном присутствии в Индокитае меняло или могло изменить баланс сил в регионе, что затрагивало интересы других держав. Первым делом Бодуэн 16 и 17 августа дважды встретился с американским поверенным в делах Робертом Мёрфи – человеком, знавшим ситуацию во Франции изнутри и пользовавшимся личным доверием президента Франклина Рузвельта. Напряжение между Японией и США постоянно нарастало, особенно после прихода к власти 22 июля экспансионистского кабинета во главе с Коноэ, поэтому французскому министру было необ-

ходимо убедить американского представителя в вынужденности этих уступок в условиях непрерывного давления Токио, невозможности реальной помощи со стороны США (собеседник признал это) и фактического разрыва отношений с Лондоном. Мёрфи, как записал Бодуэн, «проявил глубокое понимание прискорбной необходимости нашего соглашения с Японией» и, можем добавить мы, вздохнул с облегчением. Он обещал передать в Вашингтон просьбу министра о том, что в случае вступления японских войск в Индокитай американский посол в Токио напомнит японскому правительству, что США считают это лишь временной мерой [Vaudoin 1948, p. 204–205].

Затем министру предстояло объяснение с китайским послом. На сей раз Веллингтон Ку был предельно корректен и поделился свежей информацией от своего коллеги в Берлине о том, что «германское правительство не одобряет расчленение Французского Индокитая, а, напротив, поддерживает сохранение Французской колониальной империи на Тихом океане». Поблагодарив посла за информацию, Бодуэн попросил его прозондировать почву о возможном обращении через китайцев к германскому правительству за посредничеством перед японцами «в пользу умеренности» [Vaudoin 1948, p. 205]. Шансы на это были невелики. Однако Бодуэн, пытавшийся играть на нескольких столах, стремился не упустить никакой возможности для маневра, занимая промежуточное положение между антигерманской позицией Вейгана (которого, не афишируя это, поддерживал Петэн) и прогерманской позицией влиятельного вице-премьера Пьера Лаваля.

Разговор министра с японском послом Савада Рэндзо свелся к обмену общей информацией и напоминанию о необходимости «очень определенных гарантий относительно суверенитета Индокитая» [Vaudoin 1948, p. 205–206], к чему, по словам современного историка П. Мишлена, «Япония всегда оставалась глуха» [Michelin 2019, p. 73]. Савада сообщил содержание разговора в Токио, но его дни в качестве посла были сочтены. На следующей встрече с Бодуэном 23 августа он сообщил, что его отзывают в Токио, как многих других послов и посланников [Vaudoin 1948, p. 214–215]. Кадровые перестановки, затеянные неугомонным министром иностранных дел Мацуока, не случайно окрестили «землетрясением».

«Полное несогласие между Бодуэном и мной», как вспоминал Лемери, «перестало быть секретом». Министр колоний попытался привлечь на свою сторону бывшего депутата-социалиста Александра

Варенна, служившего в 1925–1928 гг. генерал-губернатором Индокитая, прося того хлопотать перед Петэном (пустые хлопоты), ссылался на твердую позицию генерал-губернатора вице-адмирала Жана Дэку – и задним числом утверждал, что «пессимизм» Арсена-Анри, влиявший на решения правительства, мог быть вызван его болезнью [Lémery 1964, p. 257–258]. Охарактеризовав 19 августа требования Токио как попытку «сделать из Индокитая новое Маньчжоу-го», Дэку пять дней спустя призвал «ответить вежливым, но твердым отказом на любые требования военного характера», поскольку «единожды согласившись на пропуск (японских – В. М.) войск, мы не сможем противостоять дальнейшим требованиям». Он упирал на «prestige Франции, который уже сильно подорван пребыванием японской миссии (в Индокитае – В. М.) и не выдержит последствий дальнейших уступок», взамен предложив широкое сотрудничество в экономической области [Desoux 1949, p. 97–98], что, по его мнению, национальному престижу не угрожало. Однако решать предстояло не ему.

Торговавшийся по каждому вопросу и настаивавший на максимальной конкретизации требований, но не видевший реальной возможности противостоять диктату, Арсен-Анри в итоге посоветовал согласиться, благо японская сторона была готова оформить это как принятие французского плана (ход переговоров [Morley 1980, p. 172–175; Michelin 2019, p. 68–74]). Перед заседанием кабинета 27 августа Петэн одобрил представленный ему Бодуэном проект инструкций послу относительно формулировок соглашения, которое тому предстояло заключить с Мацуока [Vaudoin 1948, p. 218]. Каждый министр сам составлял инструкции своим подчиненным, но затем они должны были быть согласованы на заседании правительства (наследие Третьей республики), поэтому Бодуэн доложил коллегам о ходе франко-японских переговоров за время после заседания 16 августа.

«Я предложил отправить нашему послу в Токио дальнейшие указания для подтверждения и исполнения предыдущих, от 16 августа, и попросил Совет дать на это согласие. Затем я указал, что необходимо учитывать реакцию Китая, поскольку китайский министр иностранных дел днем раньше сказал нашему послу, что, если японцы используют предоставленные им Францией возможности для нападения на Китай через Тонкин, китайские войска немедленно вступят в Тонкин. В таком случае адмиралу Дарлану надо решить, что делать с нашим кораблем, находящимся в Чунцине, а министру колоний

надлежит дать четкие указания адмиралу Деку о том, какие действия следует предпринять индокитайским войскам, если китайские силы попытаются пересечь границу. Адмирал Дарлан ответил, что отзовет наш корабль из Чунцина, что он уже давно хотел сделать. Затем я указал Совету на важность заявления, которое 21 августа Сэмнер Уэллс (заместитель государственного секретаря США – В. М.) сделал нашему послу в Вашингтоне. Нам не следует больше питать никаких иллюзий: от Соединенных Штатов не приходится ждать никакой помощи. Лемери зачитал Совету телеграмму адмирала Дэку от 24 августа, который предлагает сопротивляться всем японским требованиям, хотя в полной мере понимает, что у него нет ни самолетов, ни средств противовоздушной обороны. Я знал об этой телеграмме, потому что двумя днями ранее ее содержание сообщил мне генерал Вейган, назвавший ее «телеграммой прикрытия». Прочитав ее, Лемери сказал: «Пусть Совет решает». Я повернулся к нему и спросил: «Но каковы ваши предложения?» У Лемери их не было. Тогда я попросил Совет подтвердить верность позиции, занятой 16 августа, и формулировки телеграммы, которую я предложил послать Арсену-Анри. Совет единогласно поддержал предложение, включая Лемери, не сказавшего ни слова. Также было решено приказать адмиралу Деку ответить силой на любое вторжение китайских войск в нашу колонию на том условии, что за соглашением с Японией не последует размещение японских сил. Мы не сможем противиться вступлению китайских войск в Индокитай, если японские войска уже будут там. Я не скрыл от Совета, что мы находимся в трудной и достойной сожаления позиции, но делать нечего. Я принимаю на себя всю ответственность за политику, которую рекомендую. Нужно больше мужества для того, чтобы вести переговоры (и это куда труднее), чем для того, чтобы сказать «нет». Сказать «нет» было бы ошибкой, могущей привести к военному поражению и полной потере Индокитая», – заключил министр [Baudoin 1948, p. 219–220].

Бодуэн – Лемери: очередной раунд

Борьба не закончилась. На следующий день 28 августа Бодуэн сделал еще одну подробную запись.

«Событием дня стало столкновение между Лемери и мной. В 17 часов я получил от министра колоний пространное письмо,

которое под предлогом сообщения мне последних телеграмм от адмирала Дэку свидетельствовало о совершенно иной позиции данного ведомства, нежели та, что была принята Советом министров 16 августа и подтверждена им вчера в присутствии Лемери. Цель этого «письма прикрытия» заключалась в том, чтобы, если соглашение с Японией обернется плохо или приведет к серьезным затруднениям (что очень вероятно), создать впечатление, как будто министерство колоний было против него. Основная мысль нашего храброго колониального ведомства такова: «Нас не волнует, будет ли колония завоевана японцами, зато честь будет сохранена».

На недавних заседаниях Совета я отмечал сдержанность Лемери, но, несмотря на мою двукратную просьбу четко изложить Совету министров свои взгляды, он упорно отказывался предлагать политику, отличную от моей. Я дважды обращался к Лемери, повторяя, что куда легче сказать «нет», чем вести переговоры, но интересы Франции требуют того, чтобы мы выбрали переговоры. Получив письмо Лемери, я попросил маршала принять нас вместе в присутствии генерала Вейгана и адмирала Дарлана. Маршал согласился, и в 19 часов началось совещание под его председательством.

Я говорил твердо и не всегда сдерживался. Я заявил, что не понимаю значение выражения «мнение моего ведомства», поскольку ни в одном министерстве нет отдельных мнений министра и его чиновников, а есть только мнение министра. Когда министр принял решение, чиновники должны выполнять его. Я продолжал, что не могу объяснить позицию, занятую Лемери в письме, с учетом того, что днем раньше он полностью одобрил инструкции, отправленные Арсену-Анри. В заключение я заметил, что считаю это письмо маскировкой и не приемлю подобные методы ведения дел.

Лемери особо не сопротивлялся, ограничившись замечанием о том, что под словами «мое ведомство» имел в виду «себя самого» и что «мнение его ведомства» подразумевало «его собственное мнение». Он добавил, что единственной целью письма было сообщить мне утреннюю телеграмму от генерал-губернатора Индокитая».

Прервем цитату для необходимого пояснения. Получив от Арсена-Анри текст предполагаемого соглашения, Дэку 27 августа известил своего министра, что, во-первых, «очень удивлен тем, что, вопреки решительным суждениям, которые [он] не переставал высказывать с момента вступления в должность, франко-японские переговоры

представляются направленными на уступки, опасные для самого существования Французского Индокитая», а, во-вторых, «энергично протесту[ет] против решения, продиктованного слабостью, которое г-н Анри, похоже, считает неизбежным» [Desoux 1949, p. 99].

«В ответ я попросил Лемери, – продолжал свою запись Бодуэн, – наконец, определиться. Я сказал ему, что еще не поздно послать Арсену-Анри инструкции, отменяющие предыдущие, и в таком случае я прошу Лемери откровенно высказаться по главному вопросу, а именно, какие новые указания, по его мнению, должны быть посланы Арсену-Анри? Лемери ответил, что, по его мнению, нет необходимости исправлять указания, поскольку он полностью согласен с телеграммой, отправленной вчера вечером после заседания Совета министров. Тогда я попросил его сформулировать расхождения между его точкой зрения и моей. Он ответил, что таковых нет.

Я повернулся к маршалу и попросил его отметить, что между министрами колоний и иностранных дел имеется полное согласие. Затем мы обсудили общие указания, которые генерал Вейган должен был отправить генерал-губернатору Индокитая о позиции в отношении китайцев и японцев, и договорились собраться снова, как только поступит ответ от Арсена-Анри. Мы также заново запросим адмирала Деку о возможности защиты в случае японской агрессии.

Вернувшись к себе, я написал Лемери письмо в форме резюме совещания, на котором мы только что присутствовали. Это был ответ на его письмо и четкое изложение фактов» [Baudoin 1948, p. 220–222].

В мемуарах Лемери не только не привел, но даже не упомянул это письмо, хотя, конечно, читал дневники Бодуэна, опубликованные полутора десятилетиями раньше. Зато перечислил предложенные им меры по ограничению японского военного присутствия в Индокитае, принятие которых должно было стать условием соглашения, добавив, что Вейган одобрил их [Lémery 1964, p. 258–259].

От соглашения к новому ультиматуму

Воспользовавшись решением совещания у маршала 28 августа, Лемери на следующий день направил Дэку телеграфный запрос о том, считает ли он возможной защиту Индокитая, в течение какого времени, каково мнение военного командования, какова предполагаемая реакция французского и местного населения на возможную агрессию.

31 августа Дэку ответил от своего имени и от имени местного командования, что «Индокитай можно и должно защищать», хотя и признал недостаточность самолетов, танков и средств противовоздушной обороны. «Появление этих (японских – В. М.) войск, пусть даже как бы мирное, лишит нас последнего оставшегося шанса на спасение колонии. Уверен, что, если мы должны пойти на риск потери Индокитая, то лучше потерять его, защищая, нежели предавая» [Desoux 1949, p. 101–102], – суммировал он.

Мнение решительного генерал-губернатора уже не имело значения. 30 августа в Токио Арсен-Анри и Мацуока заключили соглашение в виде обмена письмами. Франция «признала преимущественные интересы Японии в экономических и политических сферах на Дальнем Востоке», в ответ запросив «гарантии [...] того, что Япония будет уважать права и интересы Франции на Дальнем Востоке, конкретно территориальную неприкосновенность Индокитая и суверенитет Франции над всей территорией Индокитайского Союза». В экономической сфере Франция обещала «приложить усилия к расширению торговли между Индокитаем и Японией» и предоставить Японии «статус наибольшего благоприятствования и, в любом случае, статус большего благоприятствования, нежели любой третьей стране в Индокитае». В военной сфере Франция объявила о готовности начать переговоры с Японией о возможном использовании территории и ресурсов Индокитая «исключительно с целью урегулирования конфликта с Чан Кайши», запросив гарантии возмещения возможных убытков от войны с Китаем. Повторив, как полагается в дипломатической практике, полный текст письма Арсена-Анри, Мацуока в ответном послании от имени японского правительства объявил о принятии французских предложений и дал требуемые гарантии (текст [Morley 1980, p. 301–302]).

Узнав от Савада о заключении соглашения, Бодуэн записал: «Моя реакция на долгожданную новость оказалась двойственной. Прежде всего, облегчение от того, что удалось избежать возможности применения силы как средства решения (проблемы – В. М.). Однако я забеспокоился, к каким серьезным затруднениям это может привести. Вызывает тревогу поведение китайских войск, которые могут попытаться вторгнуться в Индокитай. Какое воздействие на население Индокитая окажет появление японских войск, и как долго будет продолжаться японская оккупация? Соглашение –

прелюдия к большим трудностям, но я с самого начала знал, что, пытаясь вести переговоры, следовал курсом очень непростым, но единственно возможным для спасения Индокитая» [Baudoin 1948, p. 223]. Затем министр получил «длинную телеграмму из Токио» с подтверждением того, что Япония официально признала суверенитет Франции над Индокитаем.

Насчет «серьезных затруднений» Бодуэн не ошибался. Едва он закончил читать телеграмму из Токио, как к нему явился китайский посол Веллингтон Ку и вручил два письменных заявления. Первое о том, что «китайские войска войдут в Индокитай, как только японский солдат ступит на его землю». Во втором адресату «приписывались заявления, которых [он] никогда не делал», и министр запротестовал. Он ответил, что «Франция не намерена быть союзником Японии в любых военных операциях, которые та может предпринять», что «в случае высадки японских войск в Индокитае мы не окажем сопротивления китайским войскам, пересекающим границу» и что «как только между Францией и Японией будет достигнуто окончательное и полное соглашение, [он] проинформирует китайского посла» [Baudoin 1948, p. 224].

На заседании кабинета вечером того же дня глава МИД официально сообщил о заключении соглашения и снова «обратил серьезное внимание на трудности, которые могут теперь возникнуть» [Baudoin 1948, p. 224]. Можно предположить, что настойчиво акцентируя внимание коллег на серьезности ситуации и наличии потенциальных опасностей, он хотел предостеречь их, прежде всего Лемери, от жестких мер в отношении Японии. При этом днем позже он попросил Савада передать правительству в Токио пожелание о том, чтобы на предстоящих переговорах в Ханое «японские требования были очень умеренными» и чтобы японцы «воздержались от любых военных акций в Тонкине, пока соглашение не вступит в силу в полном объеме». «Если у вас есть солдаты для нажима, у меня есть солдаты для сопротивления», – добавил он [Baudoin 1948, p. 226].

Знавший решительную позицию Дэку, Петэн еще на заседании Совета министров 27 августа, сказал, что сам объяснит ему принятые решения и призовет выполнить их [Lémercy 1964, p. 258]. 31 августа генерал-губернатору были посланы указания о ведении переговоров с японцами по военным вопросам. Телеграммы разминулись.

На следующий день Лемери получил процитированную выше телеграмму Дэку о необходимости защиты Индокитая и сразу «обрадовал» ей Бодуэна. Глава МИД ответил коллеге тактично и решительно: «Заявления адмирала Дэку свидетельствуют о живом и достойном хвалы чувстве воинской чести и о высоком духе жертвенности, которому все мы должны отдать должное. Однако ответственность правительства имеет иной характер, и долг перед страной требует от него большего реализма. Правительство предало бы Индокитай, пойдя на риск или бросив всё перед лицом японского ультиматума. Прошу вас указать на это адмиралу Дэку, одновременно сообщив, что мы не сомневаемся в его преданности строжайшей дисциплине» [Baudoin 1948, p. 227] (текст указаний Лемери: [Decoux 1949, p. 105–106]).

В ответ на протест генерал-губернатора Петэн 2 сентября направил ему личное послание – знак внимания и предупреждение об ответственности. «Я понимаю ваши опасения и тревоги. Лишь по зрелом размышлении я приказал правительству начать переговоры с Японией, которые, предотвращая тотальный конфликт в Индокитае, должны сохранить главные из наших прав. Я рассчитываю, что вы наилучшим образом проведете переговоры по военным вопросам и покажете пример дисциплины всем французам» [Decoux 1949, p. 102] (ср. [Weygand 1950, p. 339]).

Пользуясь отсутствием прямого контроля со стороны правительства, Дэку, что признавали даже советские историки, «стал всячески оттягивать проведение в жизнь соглашения, ведя торг о численности японского десанта и количестве предоставляемых аэродромов. Японские представители попытались расширить свои притязания, потребовав неограниченного пропуска войск, предоставления военно-морских баз в Гуанчжоуване, Хайфоне и Камране, а также изменения в пользу Японии индокитайских таможенных тарифов. Дэку отверг эти требования и пригрозил сопротивлением в случае попыток японцев применить силу. [...] Колониальная администрация в Ханое один за другим отвергала японские ультиматумы» [Левинсон 1952, с. 173]. «Французская администрация, прежде всего на местном уровне, стремилась стать преградой между местным населением и японцами, сосредоточившимися в нескольких крупных городах. Присутствие французов поддерживало в индокитайских массах известное доверие к Франции» [Devèze 1948, p. 160].

События показали, что Бодуэн не зря опасался излишней «торопливости» японских военных, поскольку уже 3 сентября японцы предъявили Дэку ультимативные требования, выходящие за пределы заключенного в Токио соглашения. Французское правительство поддержало генерал-губернатора в сопротивлении этим требованиям, Бодуэн оперативно сделал внушение Савада, в результате чего японское правительство дезавуировало ультиматум. Получив соответствующие указания из Токио, Савада снова явился к Бодуэну и «попросил направить адмиралу Дэку указания проявить максимум умеренности», на что тот заметил: «Не мне давать советы об умеренности» [Vaudoin 1948, p. 228–230].

Ситуация повторилась 6 сентября, когда японский батальон «по местной инициативе» перешел границу в районе Донгдан и углубился на два километра на территорию Тонкина, где встретил сопротивление. В ответ на французский демарш японские военные в Ханое принесли извинения за «самовольные действия», но при согласовании текста совместного заявления возникла проблема. «Токио отказывается включать в коммюнике данное Японией обещание уважать территориальный статус-кво в Индокитае. Мы настаиваем, что политические гарантии, данные Японией, должны быть упомянуты в коммюнике. В случае отказа Японии от этих формулировок, я попрошу адмирала Дэку не подписывать военное соглашение, пока японское правительство не согласится на коммюнике» [Vaudoin 1948, p. 234–235].

Тем временем значительные перемены произошли в Виши. 5 сентября Петэн велел всем членам кабинета написать прошения об отставке. На следующий день он объявил новый состав правительства, из которого удалил всех депутатов и сенаторов, кроме вице-премьера Лавалья – ключевой фигуры контактов с Германией. «Политиков» сменили «технократы» [Aron 1954, p. 166–175].

Политическая карьера Лемери закончилась навсегда. «Я мог уходить, – писал он. – Я показал свою волю ничего не уступать из наших колониальных владений. Несмотря на неповиновение отдельных военных, я сохранил суверенитет Франции над всей ее империей» [Lémery 1964, p. 260; Ragache 2014, p. 87]. Лемери и позже осуждал «слепые уступки Бодуэна японцам» (например, в письме к Петэну 23 сентября 1941 г. [Lémery 1964, p. 277]), но не имел никакого политического веса, несмотря на знаки личного внимания маршала.

Новый министр колоний контр-адмирал Шарль Платон, герой обороны Дюнкерка в июне 1940 г., сосредоточился на положении во Французской Африке, а в его ведомстве, по словам Бодуэна, «царил хаос» [Baudoin 1948, p. 246]. Под давлением немцев пост министра национальной обороны, которому подчинялись все виды вооруженных сил, был упразднен, а Вейган переведен на специально созданную для него должность генерального делегата правительства («проконсула») в Северной Африке [Weygand 1950, p. 347–352].

Для политической и административной практики Третьей республики была характерна строгая «ведомственность», когда каждое министерство, несмотря на необходимость согласовывать действия, охраняло сферу своей компетенции от вмешательства «чужаков» и даже «смежников». В одних случаях это было оправдано, в других приводило к тому, что «левая рука» (дипломаты) не знала, что делает «правая рука» (военные). Именно такая ситуация сложилась в 1939 г. во франко-польских отношениях, что ускорило чреватое трагическими последствиями решение об объявлении войны Германии. Оставшийся во главе МИД Бодуэн не должен был иметь прямого отношения к переговорам, которые Дэку вел в Ханое с японцами. Однако министр колоний Платон, не знавший ситуацию в регионе и не имевший необходимого политического опыта, не только информировал его о новых японских требованиях, но и привлекал к составлению указаний генерал-губернатору.

Так было во время очередной «военной тревоги», начавшейся 18 сентября после новых японских требований о значительном расширении военного присутствия в Тонкине, которые Дэку сразу посчитал «неприемлемыми», а Бодуэн – «угрозой нашему суверенитету над Тонкином» [Baudoin 1948, p. 242]. В политике посильного сопротивления ультиматумам, одновременно направленной на предотвращение полномасштабного военного конфликта с Японией, последствия которого стали бы губительными для французского присутствия в Индокитае, генерал-губернатор получил полную поддержку обоих министров и одобрение маршала Петэна. Заключение военного соглашения до последнего момента оставалось под сомнением из-за жесткой позиции японской делегации в Ханое, стремившейся, как с начала кризиса предвидел Бодуэн, «выжать всё на месте», а также нежелания – или неспособности – МИДа Японии идти навстречу просьбам Арсена-Анри, действовавшего

по указаниям из Виши, об отсрочках новых ультиматумов [Baudoin 1948, p. 243–252].

В ответ на его просьбы о помощи американский посол Джозеф Грю ограничился вялыми «внушениями» японским дипломатам в пользу Франции, которую в Вашингтоне уже не видели союзником, хотя еще не считали врагом [Grew 1944, p. 330–332; Baudoin 1948, p. 245; Michelin 2019, p. 99, 120–121].

Бодуэн ежедневно «держал руку на пульсе» ситуации в Индокитае и выступал за максимально возможное сопротивление японскому нажиму, в том числе через средства массовой информации: 19 сентября он дал отдельное интервью об отношениях с Японией американским журналистам, которых эта тема, по понятным причинам, особенно волновала, и требовал опровержения официальных японских заявлений, которые считал неверными или невыгодными для Франции [Baudoin 1948, p. 243, 246–247]. Ему также приходилось регулярно объясняться с китайским послом.

Министр колоний Платон целиком полагался на Бодуэна и поддерживал его действия. Однако «очень печальные новости из Индокитае» – о неспособности французских войск оказать эффективное сопротивление японцам и почти полной непригодности туземных частей (вопреки утверждениям советских авторов [Левинсон 1952, с. 175]), что выявилось во время военных действий в Лангшоне 22–26 сентября («четырёхдневная война»), где французы оказали сопротивление несогласованному японскому вторжению, – привели к «практическому единодушию относительно необходимости соглашения и сотрудничества с японцами», включая генерал-губернатора Дэку [Baudoin 1948, p. 250–251].

Добившись от французов существенных уступок, японское военное и политическое руководство осознало преимущества «худого мира» с режимом Виши, поскольку захват Индокитае им в то время не планировался. Впрочем, собственно военный аспект событий, включая ход и подробности напряженных переговоров в Ханое, подписание соглашения 22 сентября и ввод японских войск в Индокитай, лежит за пределами настоящего исследования (подробнее [Desoux 1949, p. 103–122; Morley 1980, p. 175–203; Michelin 2019, p. 79–117]).

С началом сентября у Бодуэна появилась новая «головная боль» – территориальные претензии Таиланда (Сиама) к Индокитаю, за которыми французам виделось влияние Японии. В такой

ситуации главе МИД Франции оставалось лишь просить немецкого посла в Париже Отто Абеца² 14 сентября о том, чтобы рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп «посоветовал (японцам – В. М.) умеренность, поскольку не в интересах белой расы отдавать Индокитай в руки японских, китайских или сиамских войск» [Baudoin 1948, p. 239]. Звучит неполицорректно, но таков был язык эпохи.

Советские авторы характеризовали подобные зондажи как проявление «коллораборационизма» режима Виши, т.е. готовности сотрудничать с Третьим Рейхом [Левинсон 1952, с. 174–175]. Однако здесь налицо стремление сыграть не столько на «расовом инстинкте» – коего, по мнению немцев, французы были начисто лишены [Молодяков 2022б, с. 199], – сколько на германо-японском соперничестве и возможных противоречиях на заключительном этапе не вполне гладкой подготовки Тройственного пакта, подписание которого 27 сентября в Берлине сопровождалось торжественной церемонией в Токио [Молодяков 2019, с. 297–306]. Поэтому Абец ответил Бодуэну, что «мы можем лишь давать советы» японцам [Baudoin 1948, p. 239].

Расчет главы МИД и других руководителей режима Виши был справедлив. Влиятельные круги Третьего Рейха в то время не стремились к полному уничтожению или унижению Франции, желая лишь ослабить ее и подчинить своему влиянию, а также намеревались хотя бы частично уравновесить растущее влияние Японии в Восточной Азии. Немцы также хотели видеть природные ресурсы Индокитая, включая стратегическое сырье, под контролем французов, а не японцев, имея много больше рычагов воздействия на первых, нежели на вторых. В процессе работы комиссии по перемирию, через которую в то время шли основные контакты между Францией и Германией, один из представителей Рейха заявил своему визави: «Мы считаем, что Франция должна делать всё, что в ее силах для защиты своих колоний, и смотрим с симпатией на ее усилия в этом направлении» (цит. по [Левинсон 1952, с. 174]). Речь шла о посягательствах на территории, оставшиеся верными режиму Виши, со стороны не только голлистов и англичан, но и конкретно японцев.

---

² Глава посольства в Париже и главный политический советник военного командования во Франции. Формально дипломатических отношений между Третьим Рейхом и Французским государством не было, но с ноября 1941 г. в Виши в качестве представителя МИД Германии находился генеральный консул Р. Круг фон Нидда.

28 октября Бодуэну пришлось передать руководство МИД Лавалю, ведшего сложную игру с немцами, и принять пост государственного секретаря при главе правительства [Vaudoin 1948, p. 269–270]. Петэн был вынужден согласиться на подобную перестановку, ибо отношения с Германией имели первоочередное значение для самого существования Французского государства. Для правителей Третьего Рейха Бодуэн был «пустым местом», но маршал оставил его при себе, поскольку с помощью других министров вел собственную сложную игру по нейтрализации и отстранению Лавалю от власти, что и произошло 13 декабря 1940 г. [Бурлаков 2022, с. 216–220]. Бодуэн больше не занимался японскими делами, которые для французского руководства отошли на второй план.

Заключение

До лета 1940 г. на протяжении всего XX в. «Франции никогда не приходилось силой оружия защищать на месте свои заморские владения», – заметил Жак Бенуа-Мешен, интеллектуал, ставший видным дипломатом режима Виши и одним из самых активных коллаборантов. Назвав Индокитай «перекрестком трех империализмов» (японского, китайского и британского), он пояснил: «Сохранить почти небооруженный Индокитай в вихре разыгравшихся аппетитов было трудно. Следовало выбрать одного из соперников, заключить с ним соглашение и возложить на него охрану нашей колонии, оказавшейся под угрозой. Некоторые круги в Виши надеялись на США. Лично я полагал, что наши дальневосточные владения логично вписываются в сферу влияния Японии, поэтому нам стоило искать защиты в Токио, а не в Вашингтоне» [Benoist-Méchin 1984, p. 255]. Тем более, Вашингтон не собирался защищать французские позиции и интересы в Индокитае и не скрывал этого.

Реакция ключевых фигур режима Виши на японские требования к Французскому Индокитаю отражала их политическую позицию в целом. Отвечавший как глава государства за всю империю и стремившийся «спасти всё, что еще можно спасти» Петэн придавал Индокитаю второстепенное значение по сравнению с африканскими владениями, понимая невозможность прямого вмешательства в ситуацию в Восточной Азии. Вейган в целом разделял позицию маршала. Бодуэн отставив преимущественно экономические интересы и позиции

Франции, а потому, хорошо зная ситуацию в регионе, был готов на уступки политического и военного характера. Лемери, озабоченный национальным престижем, похоже, не вполне оценивал возможные последствия жесткого курса в отношении Японии, готовой к самым решительным силовым действиям. Его преемник Платон, сознавая свою некомпетентность в данном вопросе, солидаризовался с курсом Бодуэна. Настроенный на сопротивление японским требованиям Дэку, в отличие от своего предшественника Катру, избрал тактику строгого следования указаниям правительства, что при всех уступках позволило ему сохранить Индокитай под французским контролем вплоть до японской оккупации в марте 1945 г., когда режим Виши уже прекратил существование, а генерал-губернаторство признало власть нового правительства во главе с Де Голлем – военного противника Японии.

Писатель Жак Лоран, который видел ситуацию изнутри, поскольку служил в аппарате режима Виши и был связан с антигерманским сопротивлением, утверждал: «До ноября 1942 г. (т. е. до оккупации немцами всей территории Франции – *В. М.*) политика Виши оправдывает сама себя. Ее легко определить. Она была хорошей. Ей даже не требовалось быть лучшей, ибо она была единственной. Единственной, которая служила чести и интересам Франции и французов и только им одним. [...] Она была единственной, соответствующей реальности» [Laurent 1966, p. vii-viii]. Учитывая положение Франции после военного поражения июня 1940 г. и соотношение сил не только в регионе, но в масштабе всей империи, политику режима Виши в отношении Японии и Индокитая следует признать разумной и реалистичной. Сделанные им уступки диктовались не его «капитулянтским» и «коллаборационистским» характером, как утверждали противники, но пониманием реального соотношения сил, прежде всего военных, и возможностей их применения как в регионе, так и в глобальном масштабе. События в Индокитае оказались частью трагедии, постигшей Францию в результате поражения в войне, которую ее правительство объявило Германии 3 сентября 1939 г., будучи неготовым к ней и не просчитав возможных последствий этого «рокового решения».

Библиографический список

Бурлаков А. Н. (2022). *Петэн. Последний великий француз*. Санкт-Петербург: Владимир Даль.

Левинсон Г. (1952). *Захват Японией Индо-Китая. Сборник статей по истории стран Дальнего Востока*. Москва: Издательство Московского университета.

Молодяков В. Э. (2019). *Риббентрон. Дипломат от фюрера*. Москва: Молодая гвардия.

Молодяков В. Э. (2022а). Континентальная политика Японии – взгляд из Франции: Индокитайский кризис 1940 года и политики режима Виши (часть первая). *Ежегодник Японии*. 2022. Т. 51. С. 137–159.

Молодяков В. Э. (2022б). *Шарль Моррас и «Action française» против Германии: «подлинное лионское сопротивление»*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

References

Aron, R. (1954). *Histoire de Vichy. 1940–1944*. Paris: Arthème Fayard. (In French).

Baudouin, P. (1948). *The Private Diaries (March 1940 to January 1941)*. London: Eyre & Spottiswoode.

Benoist-Méchin, [J.] (1984). *De la défaite au désastre. T. 1. Les occasions manquées. Juillet 1940 – Avril 1942*. Paris: Albin Michel. (In French).

Burlakov, A. N. (2022). *Peten. Poslednii velikiyi frantsuz [Pétain. The Last Great Frenchman]*. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian).

Decoux, [J.] Amiral (1949). *À la barre de l'Indochine. Histoire de mon Gouvernement Général (1940–1945)*. Paris: Plon. (In French).

Devèze, M. (1948). *La France d'Outre-Mer. De l'Empire colonial à l'Union Française 1938–1947*. Paris: Hachette. (In French).

Grew, J. (1944). *Ten Years in Japan. A Contemporary Record Drawn from the Diary and Private and Official Papers of Joseph C. Grew, United States Ambassador to Japan 1932–1942*. New York: Simon and Shuster.

Laurent, J. (1966). Préface. *Jeantet, G. Pétain contre Hitler*. Paris: La table ronde. (In French).

Lémery, H. (1964). *D'une République à l'autre. Souvenirs de la mêlée politique, 1894–1944*. Paris: La table ronde. (In French).

Levinson, G. (1952). *Zahvat Yaponiei Indo-Kitaya* [Japanese Capture of Indochina]. In *Sbornik statei po istorii stran Dal'nego Vostoka* [Collection of Articles on the History of the Countries of the Far East]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).

Michelin, F. (2019). *La guerre du Pacifique a commencé à l'Indochine, 1940–1941*. Electronic edition. Paris: Passés Composés. (In French).

Molodyakov, V. (2019). *Ribbentrop. Diplomat ot fyurera* [Ribbentrop. A Diplomat From the Führer]. Moscow: Molodaya gvavrdiya. (In Russian).

Molodiakov, V. E. (2022a). Kontinental'naya politika Yaponii – vzglyad iz Frantsii: Indokitaiskii krizis 1940 goda i politiki rezhima Vishi (Chast' pervaya) [Continental Policy of Japan as Seen from France: Indochina Crisis of 1940 and Politicians of the Vichy Regime (Part One)]. *Yearbook Japan*, 51, 137–159. (In Russian).

Molodyakov, V. (2022b). *Sharl' Morras i «Action française» protiv Germanii: «podlinnoe lionskoe soprotivlenie»* [Charles Maurras and Action Française Against Germany: “Real Lyonnaise resistance”]. Saint Petersburg: Nestor–Istoriya. (In Russian).

Morley, J. M. (Ed.) (1980). *The Fateful Choice: Japan's Advance into Southeast Asia, 1939–1941*. New York: Columbia University Press.

Ragache, G. (2014). *L'Outre-Mer français dans la guerre (1939–1945)*. Paris: Economica. (In French).

Weygand, [M.] (1950). *Mémoires. T. III. Rappelé au service*. Paris: Flammarion. (In French).